

Тунман Иоанн Эрик

Крымское ханство

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
И75

И75 **Иоанн Эрик Т.**
Крымское ханство / Тунман Иоанн Эрик – М.: Книга по Требованию, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-519-77873-2

ISBN 978-5-519-77873-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XVIII века в Западной Европе, время интенсивного развития, консолидации и укрепления капитализма, отличалась чрезвычайно энергичным, активным стремлением передовых капиталистических стран Европы к овладению внеевропейскими рынками и острой борьбой их между собой за эти рынки. Завоевание этих рынков происходило, конечно, не только силой оружия, но и всевозможными дипломатическими уловками, финансовыми и торговыми мероприятиями, направленными к тому, чтобы получить привилегированное положение и побить конкурентов. Для достижения успеха в этой борьбе необходимо было прежде всего знать эти новые, подлежащие завоеванию рынки, изучить их всесторонне и углубленно, при этом не только с экономической стороны, со стороны торговли, но и с географической, политической, социальной, исторической. Отсюда чрезвычайно активный, живой интерес к географическим знаниям, к описаниям всяческих стран, к запискам путешественников. Этот интерес уже сильно сказывался и в предыдущие века, но во второй половине XVIII века он особенно усиливается. Идя ему навстречу, сильно развивается страсть к путешествиям, которые во множестве предпринимаются разными негодьями, учеными и просто просвещенными предприимчивыми непоседами, то по личному почину, то по поручению торговых организаций, самих правительств и разных научных учреждений. В результате в литературе появляется большое число географических изданий, описаний путешествий во всяческие страны, близкие и далекие, географических обзоров и сводок. Сообразно потребностям буржуазного читателя в изданиях этих преследовались цели то просто увлекательного чтения с экзотикой, приключениями и страхами, то практической

помощи негоцианту хозяйственными обзорами и справками нужными в торговой практике, то задач общего обогащения и расширения познания мира. Издавалось и множество географических карт и атласов, еще крайне несовершенных в смысле географической точности, за отсутствием точных съемок, но представлявших огромный шаг вперед по сравнению с предыдущим объемом знаний. Из этих же потребностей родились и издававшиеся тогда обширные географические сборники и обзоры, включавшие в себе подробные описания отдельных стран.

Одним из типичнейших образцов такого рода географической литературы этой эпохи являлась известная и широко популярная тогда географическая серия „Büschings grosse Erdbeschreibung“ („Большое землеописание Бюшинга“). Тогдашняя Германия, разобшенная на много десятков государств, резко отставала в развитии капитализма от передовых: Англии, Франции, Нидерландов — и почти не проявляла активности в развернувшейся борьбе за рынки. Но германские ученые и германские издатели не были на последних местах в обслуживании этого движения и не безуспешно работали над удовлетворением познавательных запросов всего капиталистического Запада.

Издатель Бюшинг не ставил себе задач ни непосредственного обслуживания практических интересов торговцев, осваивающих новые рынки, ни щекотания фантазии читателей авантюрными путешествиями; он придал своему „Землеописанию“ характер „строго научного“ географического сборника, несколько суховатого и педантичного, добросовестного и солидного, служащего для углубления мировоззрения и расширения географических познаний основательно образованного европейца. Он рассчитывал на серьезного, солидного буржуазного читателя. Описания отдельных стран поручались Бюшингом разным авторам, от которых он требовал крепкой эрудиции в данной области и широких общих знаний. Бюшингово „Большое землеописание“ документирует собою серьезное, основательное, вдумчивое (в меру тогдашних сил, возможностей и методологии) отношение к познанию земного шара со стороны растущей, приходящей к господству капиталистической буржуазии, чувствовавшей себя новым хозяином на этом земном шаре, наследником и преемником обветшавшего феодала.

лизма, и потому хозяйским деловым глазом пристально рассматривавшей свои будущие владения.

Описание Крымского ханства в Бюшинговом землеописании дано Тунманином. Оно по всему своему характеру и стилю вполне соответствует изложенным особенностям всего издания. С большой методичностью и деловитостью описывает он Крымское ханство в целом и его отдельные части, дает ясную, поскольку это было возможно в его время, картину его природы, истории, политического устройства, социальной структуры, национального состава, населенных пунктов и хозяйства. Изложение его часто слишком скупое (особенно в описании городов), всегда сдержанно, осторожно, бесстрастно, бесхитростно, выдержано в стиле ученого географического обзора, просто и лишено литературных прикрас. Для своего времени оно означало большой шаг вперед в области познания территорий, входивших в состав Крымского ханства. Это было первое систематическое, всестороннее, исчерпывающее описание ханства, в меру уровня тогдашних знаний. До этого в литературе существовали лишь либо разрозненные, случайные сведения о Крыме, либо описания путешественников, излагавших, конечно, только то, что они видели, либо отдельные мемуарные записи, либо изложения отдельных сторон жизни ханства, либо, наконец, совсем робкие попытки систематических описаний. Тунманин дал, например, первый связный очерк всей истории Крыма от легендарных до-греческих времен, до его, автора, дней. В этом очерке много фактических ошибок, много пробелов, объясняемых тогдашним уровнем знаний, методологией и объемом доступных источников. Эти ошибки и пробелы не умаляют его пионерского значения. Мы на сегодняшний день, через 150 лет после Тунманна, не можем похвалиться, что имеем хорошее связанное изложение всей истории Крыма. Скажем прямо, мы все еще не имеем пока никакого, даже плохого. Тем выше нужно оценить достижение Тунманна. Работа Тунманна являлась систематизированной, отцеженной сводкой того, что к его времени было известно и доступно западно-европейской науке о Крымском ханстве, и в этом ее значение для нас, тем более, что сверх того, что автор почерпнул из наличной тогда печатной литературы, он дает еще много сведений из иных источников, не опубликовывавшихся.

О самом авторе, Тунманне, мы не имеем почти никаких

сведений. В самом „Землеописании Бюшинга“ раздел о Крымском ханстве даже не подписан; авторство Тунманна не указано; раздел издан анонимно. О том, что он написан Тунманном, нам известно лишь потому, что, во-первых, почти тождественная работа издавалась под его именем в Лейпциге в 1774 г. в отдельном издании, во-вторых, в 1786 г. в Страсбурге под его именем издан французский перевод данной работы в виде отдельного оттиска из французского же издания всего Бюшинга и под заглавием „Description de la Crimée“¹. Наконец, в-третьих, Тунманн назван в качестве автора этого раздела в повторном издании „Землеописания Бюшинга“, вышедшем в Гамбурге в 1787 г., где данный раздел назван „Die Taurische Statthalterschaft oder die Krim“ („Таврическое наместничество или Крым“). Из других работ автора известна только „Untersuchungen über die Geschichte der ältesten europäischen Völker,“ Leipzig 1774. Из заглавия французского издания мы узнаем, что Тунманн был профессором в Галле (в Саксонии, потом в прусской провинции Саксонии). Этим и ограничиваются доступные нам сведения об авторе.

Однако из самого тунманновского текста можно почерпнуть целый ряд сведений и выводов об авторе.

Прежде всего о времени написания. Работа издана в 1784 г., т. е. уже после покорения Крыма Екатериной II. Однако в начале текста примечание издателя указывает, что раздел этот написан до „осуществления российских притязаний“ на Крым, т. е. до 1783 г., и издается она в таком уже устаревшем виде ради полноты всей серии и из-за отсутствия сведений о новом устройстве Крыма под русской властью. Нигде в тексте этот захват Крыма Россией в 1783 г. не упоминается, т. е. работа издана без всяких изменений. В одном месте текста (стр. 398) упоминается даже год написания автором этой работы; сказано: „при несогласиях, происходящих теперь (1777) между османским двором и ханом Шагин-Гераем“. Следовательно, работа писалась в 1777 г., издана Бюшингом

¹ Этот перевод в точности воспроизводит немецкий оригинал, которым пользуемся и мы, но присоединяет к многим местам текста в примечаниях выдержки из „Записок“ барона Тотта, вышедших в том же 1784 г. и оставшихся, конечно, неизвестными Тунманну при его работе. Так как „Записки“ барона Тотта, авантюриста, фантазера и лгуна, дают часто недостоверные сведения, то мы этих примечаний здесь не приводим. Записки Тотта следовало бы издать специально с соответствующими комментариями.

через 7 лет после ее составления и отражает то состояние и положение ханства, какое автор мог констатировать между 1774 (Кучук-Кайнарджийский мир, неоднократно упоминаемый) и 1777 годами. Это как раз период „независимого“ существования Крымского ханства, когда оно Кучук-Кайнарджийским миром 1774 г. было в результате победы екатерининской России над Турцией изъято из-под суверенитета Турции и попало в негласную, но еще более тяжелую зависимость от царской России. По этому периоду имеется как раз мало исторических источников иностранного происхождения. Предыдущие наиболее солидные свидетельства о ханстве, труды Пейссоннеля и Клеемана относятся ко времени, предшествующему 1774 г., хотя и не на много. В этом также значение работы Тунманна.

Во всем изложении автора нет нигде указаний на то, чтобы он лично ознакомился с Крымом, с ханством. По всей видимости он сам в Крыму не был, иначе он не преминул бы где-нибудь на это намекнуть. Следовательно, он все свои сведения черпает из других источников. Каковы эти источники? Будучи профессором университета в Галле (один из весьма солидных немецких университетов), Тунманн обладал, конечно, очень основательной книжной эрудицией и стремился и мог использовать все то литературное богатство, которое накопилось к его времени в западно-европейской науке по данному вопросу. Кое-каких использованных им авторов он упоминает в тексте прямыми ссылками, других он не называет поименно, но они явственно сквозят из его текста. Например, он не ссылается на итальянского миссионера XVII века Дортелли д'Асколи, но только из него он мог почерпнуть приводимые им сведения об остатках геноуэзцев в деревне Сююрташ у Бахчисарая и т. д. Особенно широко ему приходилось пользоваться книжными источниками в исторических частях своего труда, которые по его замыслу играют в нем очень существенную роль.

Здесь на первом месте использованы им античные первоисточники, историки, географы, путешественники. Поименно он упоминает самых первоклассных—Геродота, Страбона, Птолема, Скимна Хиосского, Арриана. Аргументирует он и Гомером. Выявление и публикация античной литературы не были в то время, конечно, столь исчерпывающими, как теперь, но все же был известен ряд авторов, трактующих о Крыме, сверх

перечисленных, которыми Тунманн несомненно пользовался, хотя и не ссылался на них поименно. Таковы Демосфен, Диодор Сицилийский, Плутарх, Стефан Византийский, Тит Ливий и т. д. От недостаточности тогдашних публикаций произошло то удивительное для нас обстоятельство, что автор совсем не упоминает знаменитой греческой колонии Ольвии и не задается вопросом о месте, где она была расположена¹. Средневековых хронистов автор упоминает мало, но пользовался он ими, поскольку они были в его время известны, довольно широко. Он ссылается только на Винцента де Бовэ из западноевропейских, а из польских на Стрыйковского, Гнезненского анонима и Яна Красинского, из византийских — на Прокопия и имп. Константина Порфирородного, наконец, из арабов — на Абулфеду, Ибн-Батуту и Эдризю. Из путешественников средневековых и новых он упоминает Рубрука, Барбаро, Броневского и Бузбека.

Этими поименно цитированными авторами, конечно, не исчерпывались источники тех богатых сведений, которые Тунманн дает о крымском средневековье. Он использовал гораздо больше. Для истории генуэзских колоний в Крыму он, несомненно, опирался на генуэзского хрониста Джустиниани, хотя его и не упоминает. Из польских он знал, конечно, кроме Стрыйковского, также Гвагина, Кромера, Матвея Меховского, множество западных хронистов и путешественников и сверх того церковные акты, католические и греческие (очень обильно сообщает об учреждении епархий, архиепископств и митрополий), *Bollandi Acta sanctorum*, *Annales ecclesiastici* и т. п.

Более близкую к нему литературу своих предшественников Тунманн цитирует также довольно скупно. Он называет только Дмитрия Кантемира, Николая Клеемана и Пейссоннея. Литературы по нужным ему вопросам в XVIII веке было не так много, но все же больше, чем он цитирует, и он ее, конечно, знал, хотя бы таких авторов, как де-Гинь, Витсен, де-Боз, Фармалеони, Маништейн, де-ля-Мотрэй и ряд других.

Итак, Тунманн был во всеоружии книжной эрудиции своего времени. Однако заимствованиями из всех этих литературных источников не исчерпываются все приводимые им данные и

¹ Место развалин Ольвии у лимана Буга находилось тогда на территории ханства в Западном Ногае.

соображения. Несомненно, он пользовался еще какими-то источниками непечатными, особенно в разделе современного ему положения ханства. Такими источниками могли быть архивные сведения, главным образом из дипломатических донесений, более же всего устные данные, получавшиеся им от бывавших в Крымском ханстве негоциантов, дипломатов, военных, путешественников и т. д. Так, он очень точно (сравнительно, конечно) передает множество татарских и ногайских географических названий, дававшихся в предыдущей литературе искаженно. Таков, например, список кадылыков, список ногайских колен, выправляемый им по сравнению с незадолго до этого изданным списком Клеемана. Он упоминает множество речек (особенно на материке), до этого в литературе не известных, частью теперь даже исчезнувших; много поселений он называет первым. Понятно, что Тунманн, очевидно, ревностно и кропотливо работавший в литературе об интересовавшем его ханстве, настойчиво собирал в то же время и разные устные сведения о нем, гораздо более богатые, чем литературные. И в этом для нас крупное значение Тунманна: многие его данные нельзя найти в предшествовавшей ему литературе.

Тунманн старается придать своему очерку Крымского ханства характер сугубо ученого, беспристрастного, „объективного“, „аполитичного“ исследования и описания. Однако эта его тенденция не может нас обмануть, не может скрыть тех идеологических, политических позиций, на которых стоит автор, хотя он и проявляет их в совершенно завуалированном, сообразно его эпохе, виде, а может быть даже и невольно.

Из тех двух основных классовых сил, которые в его эпоху боролись за политическую власть, буржуазии и помещиков-феодалов, Тунманн, несомненно, принадлежал к буржуазии и следовал ее идеологии. Проявлял он ее очень мягко, осторожно, побаиваясь, видимо, власть имущих, но все же проявлял. Как представитель прогрессивного, восходящего, борющегося класса, он трезво, критически смотрел на действительность. Поэтому его очень интересуют социальные взаимоотношения в Крымском ханстве. Он их четко характеризует в качестве феодальных и проводит решительную аналогию между ними и западно-европейскими, что для нас является весьма ценным наблюдением. Он ярко выявляет классовый характер ханской

власти, находящейся в полной и формальной и фактической зависимости от феодалов, и притом от феодальной верхушки „Крым-беги, говорит он, т. е. представители четырех сильнейших феодальных родов,— это то же самое, что западно-европейские пары“. Четко и, несомненно, негодуяще характеризует он класс феодалов, мурз, имея при этом, конечно, на прицеле своих отечественных феодалов: „Мурзы проживают в своих деревнях и живут на подати, собираемые со своих подданных. Простые татары—не что иное, как вассалы этих мурз“. Отношения феодалов между собой, к ханской власти, к отдельным конкретным ханам, отношение ханов к турецкому правительству,— все эти внутриклассовые взаимоотношения правящего феодализма он трактует со всегдашней тонкой завуалированной иронией.

Ту же насмешливость проявляет он и в отношении религии, как это полагалось его просвещенно-вольтерьянствующей эпохе. „В татарских школах объясняется коран и преподаются другие менее важные науки“,—острит он, адресуя эту стрелу, конечно, не столько мусульманской, сколько религиозной школе вообще. Не забудем, что сам Тунманн, как королевский прусский профессор, состоял под началом игравшего в прогрессивную просвещенность Фридриха Великого.

Часто проявляется у автора тенденция идеализировать à la Жан-Жак Руссо чужие, культурно ниже стоящие народы. Характеризуя крымских татар, ногайцев, черкесов и т. д., он всех их находит и приветливыми, и гостеприимными, и мужественными, и честными, и благородными, и добродушными, и любящими справедливость, и обладающими живым и восприимчивым умом и т. д. При этом он, конечно, совсем не считает нужным эти ходячие добродетели как-то классово дифференцировать. При такой огульной идеализирующей схеме трудно, конечно, избежать комического. „У буджакских ногайцев,—говорит он, например,—важнейшим средством пропитания служит грабеж и добыча. Больше всего они грабят молдаван... Вообще же они честны, добродушны, гостеприимны и мужественны“. Только одним армянам от Тунманна достается почему-то беспощадно: „Они ленивы, нечестны, грязны и невежественны“.

Буржуазно-либеральные поползновения автора не могли быть, конечно, во всем последовательны. Описывая Крымское ханство в годы величайшего нажима на него со стороны

захватнической политики правительства Екатерины II, автор должен был занять какую-то позицию в этом вопросе, стать на ту или на другую сторону. Несмотря на свой либерализм, он не увидел величайшего насилия и издевательства российской дворянской монархии над трудящимися Крыма и, видимо, оказался в плену у той либерально-просветительной мистификации, которой Екатерина II перед лицом просвещенной Европы умела прикрыть свою захватническую политику и которая напустила розового тумана и не на такие умы, как Тунманн. Он определенно стоит на стороне захватницы, он иногда повторяет те измышления, которые она пускала в ход для оправдания своей завоевательной агрессии. Он формулирует результат Кучук-Кайнарджийского мира так:

„Русские отняли у этого государства (Крымского ханства) большие территории и даже утвердились в Крыму¹. За то они покончили с османской верховной властью и восстановили для государства давно утраченную им независимость“.

Это явный перепев оправдательных концепций екатерининского правительства.

Он неоднократно повторяет российскую версию о том, что ногайцы, кочевавшие в материковой части ханства, в 1770 г. (в начале русско-турецкой войны) „сами“ подчинились царской власти и „добровольно“ переселились на Кубань. Это опять перепев тех же концепций. Вся Европа льстила Екатерине II, превозносила ее и побаивалась. У Тунманна были для этого, может быть, и свои соображения.

Характерной чертой изложения Тунманна является его историзм. Описывая основную часть ханства—Крымский полуостров, он после физико-географического очерка дает прежде всего обширный очерк истории Крыма, первый, как мы уже указывали, и почти единственный в крымской историографии связанный очерк всей истории нашего полуострова. При изложении классового состава, государственного устройства, национального состава, экономики и т. д. он все время дает обширные исторические справки и экскурсии. Перечисляя населенные места, он о каждом из них дает исторические сведения. Он останавливается даже на таких, которые не имели в его время уже жителей и представляли собою развалины, горо-

¹ Керчь-Еникале.

дища крупного историко-археологического значения (Херсонес, Инкерман, Мангуп, Чуфут-Кале, Эски-Кермен), причем на этих городищах он останавливается иной раз подробнее, чем на существующих городах. Описывая материковые части ханства — Восточный и Западный Ногай, Едисан, Буджак и Кубань, — он каждую из них снабжает пространством обзором ее истории, с древнейших, ему известных, времен до своих дней. Излагая прочие стороны характеристики этих стран, описывая поселения, он опять делает множество исторических отступлений.

Этот историзм является неотъемлемой, существенной чертой географа XVIII века и исходит от того культивирования знаний об античности, которое тянется через все столетия от Ренессанса к XVIII веку, являясь основой всякой тогдашней образованности и эрудиции. Историзм этот культивировался в равной мере и идеологией отходящего феодализма, и наступающей буржуазией, разница была лишь в предпочтениях, оказывавшихся определенным историческим эпохам и явлениям и в делавшихся выводах. Тунманн огромное внимание оказывал античной истории Крыма, получив, как истый сын XVIII века, основательную подготовку в этой области, но он не меньше интереса уделяет и последующим периодам, и раннему средневековью, и татарской эпохе, в частности истории Крымского ханства, выказывая в этих разделах недюжинные знания, далеко несвойственные рядовому европейскому ученому его времени. Это его специфическая черта.

При том уровне исторических знаний и объеме исторических источников, которые были в распоряжении Тунманна и науки XVIII века, изложение им исторических процессов и конкретных исторических фактов страдает, конечно, с нашей точки зрения множеством дефектов, ошибок, пробелов. Мы сейчас, естественно, бесконечно богаче, особенно в области археологических памятников, да и письменных источников. Но это не умаляет значения пионерской работы Тунманна, тем более, что для истории непосредственно ему предшествовавшей эпохи он дает ряд сведений, которых мы не найдем в литературе, бывшей в его распоряжении, ввиду чего он является для нас первоисточником.

Если историческая часть исследования Тунманна является для нас в преобладающей своей части материалом вторичного порядка, эклектическим, заимствованным из первоисточников,